Недалеко от Киева

Недалёко от города от Киева
А стоит ле триццеть три бога́тыря.
А пасли-стерегли они да стольней Киев-град.
Во первы́х-от, у их был да стар козак,
Во-вторы́х, — у их Добрынюшка Микитич блад,
Во-третьи́х, — у ех Дунай да сын Иванович,
Во-четвёртих-то, — Самсон да сын Колыбанович,
А во пятых, — Олёшенька Попович блад,
Во шестыих, — два брата да Долгополыех,
Долгополы два брата полонённые.
Как ина́ братья вся была схожея.
Отаманом да был стар козак,
Податаманьём — Добрынюшка Микитич блад,
А во писарях был Дунай да сын Иванович,
А во по́варах Самсон был да Колыбанович,
А во ко́нюхах — Олёшенька Попович блад.
Поутру́-то, ле утру ле было ра́ному,
На зачине тут было да свету белого,
На подъёме тут было да красна солнышка,
А старой-от козак пробуждаетца,
Клюцевой водой да старо́й умываетца,
Полотёнушком старо́й обтираетцэ.
Одеваёт ступеньца на босу́ ногу́,
Надеваёт куню́ю шубу́ на онно плечо́,
Надёвает ле колпак на онно́ ухо́,
А выходит старо́й да вон на юлецю.
Как глядел-насмотрел на все стороны,
В мороку в туман и нынь худо видитцэ:
То ле летит блад ясе́н соко́л,
То ле едет там удалой доброй молодец.
Едет винно собака потешаетцэ:
Впереди его, собаки, да бе́жит серый волк,
Позади его, собаки, да звери всякии,
На право́м-то плече́ сидит ясе́н соко́л,
На лево́м-то плече́ дак сидит бел кречёт.

Едет, винно, собака да потешаетцэ:
Подверьх он стрелочку постреливат,
Кабы на́ пол ту стрелку не юраниват,
Он в руки возьмёт — пламё мечетца,
А вокруг-то повернёт — искры сыплютцэ.
Кабы едёт собака да потешаитцэ:
На право́м-то коле́ни дер<жит> гумажечку,
Он гумажечку держит да гербовой лист.
На левом-то колени держит чернильницю,
Во рука́х-то держит перо ёрлиное,
Не того же орла да сизокрыло́го,
Да того ле орла сизокамьского,
А не тот был орёл — на лесу сидит,
А бы тот орёл — на корню сидит,
А гнездо-то он вьёт да на се́р камень,
Он бы пищу достават из синя́ моря́.
Он бы пишет ёрлык да скорограмотку:
«Я поеду, молоде́ць, да в стольней Киев-град,
Я поеду, молодець, да там поздороватьцэ.
Я силушку всю во гресь стопчу,
Я бы князя́ там Владимира под мечь склоню,
Я бы матушку кнегиню с собой возьму».
А пометыват ёрлык ко за́ставы,
А старо́й-от берёт, во шатёр пошел,
Кабы будит дружину всю заговорьнюю:
«Вы встаньте-ко, дружина <заговорьная>!
А будёт спать — ста́ла пора́ вставать,
Ты вставай-ко, Добрынюшка Микитич блад,
Ты вставай-ко, Дунай <сын> Иванович,
А цитай етот ёрлык да скорограмотку,
Ка’ да щё у собаки есь написано,
Ка’ да щё у собаки напечатано».
Как цитает Дунай сын, россказыват:
«Я поеду, молодець, да в стольней Киев-град,
Я поеду, молодець, там да поздороватьцэ,
Я бы силушку хочу да всё во гресь стопчу,
Я кнезя ле Владимира под мечь склоню,
Кабы матушку кнегину да то с собой возьму».
А на ето старо́й да осержаетцэ,

Выбирать он стал, кого в суго́н послать:
«А послать нам Олёшу Поповиця —
А Олёша Поповичь роду невежлива,
А невежлива сам роду да не оцеслива,
Кабы роду-то Олёша поповьского.
А послать-то ле двух-то братьев Долгополыих,
Долгополыих-то бра́тов полонённыих же, —
А от не нашей земли они, неверьные,
А доспеют бы изменушку великую.
А послать ведь Добрынюшку Микитичя —
Кабы тот ле детинка роду вежлива,
Да вежлива детинка роду, оцеслива».
А не видели поездки да молодецькое,
А увидели: Добрынюшка на коня скочил,
На коня-то он скочил да в струмена ступил.
А увидели: да во поле курева́ стоит,
Курева́ стоит, да дым столбом вали́т.
Нагони́л-натоптал скоро-на́скоро:
«А какой же ты ле едёшь бога́тырь же?
Еcле русьской бога́тырь, то поворот даю,
Еcле не русьской бога́тырь, да я напу́с держу».
(*Сзади хочет ехать.*)
А на третье раз да как ругатьцэ стал:
«Ты кака летишь ворона да пустопёрая,
Да кака же сорока позагубиста?»
А оттуль же молодец поворот даёт.
Кабы дае́т Добрынюшке по тяпышу,
А прибавил бы Добрыни по алабышу,
А едва ле Добрыня на коне сидит,
А оттуле Добрынюшка поворот даёт.
А увидел старой казак Илья Муровец —
А бы едет Добрыня да не по-старому,
А сидит он на коне да не по-прежному.
Осержаётцэ старо́й да сам срежаетцэ:
«Не сварить вам без меня пивна́ котла —
Привезу вам голову́ вам тотарьскую!»
Как отправилса старо́й казак Илья Муромец,
Нагони́л-натоптал скоро-на́скоро:
«Ты какой же нонь едёшь за бога́тырь же?

Еcле русьской бога́тырь, да я поворот даю,
А не русьской бога́тырь, да я напу́с возьму».
А на третье ле раз ругатьцэ стал:
«Ты кака летишь ворона да пусто<пёрая>,
Да кака летишь сорока да позагубиста?
Ты ницем зовешь нас, тридцеть бога́тырей!»
А оттуль молодець да поворот даёт.
Кабы съехались два удалых добрых м<олоцц>а́,
Кабы секлись сабе́льками вострыми —
А сабе́льки-те у их прищербалисе.
А тыкались копейцами бурзамеческими —
А копейца у их да извихалисе.
А соскакивали робята да со добры́х коней,
А хватались робята да в охабоцьку,
Кабы биелись-боролись да трое суточьки —
А пробиели они до колен землю́.
По бесчесью тут да по великому
У старо́го-то права́ рука́ да прома́хнулась,
А лева́-то нога́ да прока́тилась.
Кабы пал старо́й на матушку сыру́ землю́.
А садился Соколик на белы́ груди́,
Он и хоцёт пороть да груди белые,
Он и хоцёт смотреть его ретиво́ серццё.
А взмолилса старо́й дак да Господу́ Богу:
«Пресвета ти ли мати Богородиця!
А стоел я за веру за Христовую,
Я держалса того креста распятого,
А ловыдала поганому Издолищу,
Ты повыдала ему дак на руганьицё!»
У старо́го вдвоё да силы прибыло,
Он скакал со матушки сырой земли,
А взметал-то Сокольника на матушку,
А на матушку метал его на сыру́ землю́,
А садилса ему он да на черны́ груди́.
Замахнулса пороть его черны́ груди́,
Посмотреть он хотел его <ретиво серьцё> —
Застоялась у старого во плече рука.
«А скажи е-то удалой доброй молодець,
Откуль идёшь, да откуль едешь же,

Ты какого отця да какой матери?»
Говорил е удалой да добрый молодець:
«Не роздражай меня, удалого,
Ты пори скоро мои да гру́ди че́рные,
Посмотри моё ты ретиво́ серьцё».
Замахнулся старо́й дак во второ́й нако́н —
Застоелась у его дак во локтю рука́.
«Ты скажи-ко, удалой да доброй молодец!
Ты какого отця да какой матери?» —
«Я сидел когдэ у тя на белы́х грудя́х,
Я не спрашивал роду у тя, не племени,
Я отця не спрашивал, не матере,
Ты пори скоре да гру́ди че́рные,
Ты смотри моё да ретиво́ серьцё».
Замахнулсэ старо́й да во трете́й нако́н —
Застоелась у старо́го да в за́веди рука.
«Ты скажи-ко, удалой доброй молодец,
Та какого отця да какой матери,
Ты откуль нонь идёшь да откуль правишь?» —
«Я иду, молодець, да от синя́ моря́.
Кабы матушка моя да Златыгорка,
А З<латыгорк>а она да полениця же,
Полениця она да преюдалая».
А соскакиват старо́й да со черны́х груде́й,
А хватал его, мо<лоцца>, за белы́ руки́,
Целовал бы его он в уста́ сахарные:
«А твоя ле матерь блядка,
А бы то, молодець, есь ты выбледок,
А любиемой ты мой ноньце сын же веть.
Ты поедь-ко, удалой да доброй молодець,
Привези матушку родимую,
Окрестим-приведём в веру Христовую,
А не будёт тебе в поле поединщика».
А разъехались удалы да добры молоццы,
А приехал как молодець ноньце к матушке:
«А ты ой еси, матушка родимая!
А бы ездил-ходиел во чисто́м поле.
Я бы видил собаку серу́ седатую,
Он зовёт тебя да, право, блядкой,

А меня-то кличет да выбледком».
Говорит его ле матушка родимая:
«Не пусты́м-то молодець похваляетцэ.
Я <...> ле тут матушка родимая».
Он хватил ле за косы женьские долгия,
А метал-то он ей о кирпищет пол,
А давал он ей тут да скору смёрточку.
Погони́л на тот, право, бело́й шатёр,
А бы ткнул копьём да во бело́й шатёр,
Он бы ткнул старо́му во белы́ груди.
У старо́го на груди́ был бы чу́ден крест,
А попало ему, право, в чу́ден крест.
Просыпаетцэ старо́й дак скоро-на́скоро,
Выбегаёт старо́й да вон на улецю,
Он хватил Сокольника за буйну́ главу́ —
Он ото́рвал да тут буйну́ главу́,
А бы туловище отвёз он во чисто́ поле,
А бы во́ронам да на граеньицё,
А зверям бы его да на тасканьицё.

(Зап. Астаховой А. М.: 21 июля 1929 г., д. Климовка Усть-Цилемского р-на — от Торопова Николая Самсоновича, 79 лет, и Поздеева Михаила Алексеевича, 33 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.